

ГЛАВА 2

Библия и древняя ближневосточная литература мудрости

В настоящее время общепризнанным считается тот факт, что в рамках библейского Ветхого Завета Книга Екклесиаста относится не только к разрядам Писаний, Мегилот, учительных книг, но и к числу так называемых книг мудрых, или библейской литературе мудрости.

Выделение такой отдельной коллекции книг произошло под влиянием открытия древней ближневосточной литературы. У великих соседей Израиля – в Египте и Месопотамии, а также у самых ближайших соседей по Восточному Средиземноморью существовала общая литературная традиция, межнациональная школа мудрости.

Из библейских книг к литературе мудрых относят Книгу Иова, Книгу Притчей Соломоновых, Книгу Екклесиаста, а также отсутствующие в еврейской Библии, но имеющиеся в Септуагинте неканонические книги – Книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова и Книгу Премудрости Соломона. К литературе школы мудрости причисляют иногда Песнь Песней, часть псалмов (1, 33, 36, 48, 73, 110, 111), Книгу Руфи, Книгу Товита, а также повествования Книги Бытия об Иосифе и повествования о Данииле из Книги пророка Даниила¹. Большинство библейских книг

---

¹ О литературе мудрости вне пределов пяти общепризнанных библейских книг мудрости см. в статьях: Gordon, Robert P. *A House Divided: Wisdom in Old Testament Narrative Traditions* / Robert P. Gordon // *Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton* / edited by John Day, Robert P. Gordon, and H. G. M. Williamson. Cambridge University Press, 1998. P. 94-105.

Whybray, R. N. *The Wisdom Psalms* / R. N. Whybray // *Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton*. P. 152-160.

Ceresko, Anthony R. *The Sage in the Psalms* / Anthony R. Ceresko // *The Sage in Israel and the Ancient Near East* / ed. by J. G. Gammie; L. G. Perdue. Eisenbrauns, Winona Lake, 1990. P. 217-230.

мудрости, таким образом, является частью библейского отдела учительных книг (в православной традиции) или частью отдела Писаний (в еврейской традиции). Создавались эти книги различными авторами и редакторами в течение длительного периода до II века до Р. Х.

Что же объединяет эти библейские книги мудрости и друг с другом, и с подобными произведениями соседних народов?²

1. Библейская литература мудрости и ее общие черты

Во-первых, книги мудрых объединяет породившая их культурная и интеллектуальная среда. И у Израиля, и у окружающих его народов у истоков литературы мудрости находилась народная мудрость, отражавшая проблемы семейной жизни, трудовой деятельности, отношений человека с близкими и чужими людьми, проблемы социальной справедливости. Эта мудрость, основанная на длительных житейских наблюдениях, находила выражение в метких и остроумных поговорках, пословицах, афористичных высказываниях. Народная мудрость отличается образностью, заимствованной зачастую из окружавшей человека природы, пронизана природной и аграрной тематикой. Книги мудрости, бесспорно, отражают эти народные истоки. Однако их непосредственное происхождение в большей сте-

---

Mastin, B. A. *Wisdom and Daniel* / B. A. Mastin // *Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton*. P. 161-169.

² Об особенностях древней ближневосточной литературы мудрости см.: Вейнберг, И. П. *Человек в культуре Древнего Ближнего Востока* / И. П. Вейнберг. М., 1986. С. 171-172.

пени связано с городской, школьной³, храмовой⁴, а зачастую и придворной средой⁵.

В городских условиях жизненная мудрость накапливалась и передавалась в среде писцов, учителей, царских советников. Она использовалась в деле воспитания и образования. В городских и придворных условиях происходило собирание книг мудрых, знакомство с литературой мудрости других народов⁶.

Само название литературы мудрости подразумевает, что ее авторами являются мудрецы. То, что писания мудрецов легли в основу третьего отдела еврейской Библии, говорит об особой роли, которую играли мудрецы в рели-

---

³ Вопрос о существовании в Древнем Израиле школ рассматривается в статье: Davies, G. I. *Were There Schools in Ancient Israel?* / G. I. Davies // *Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton*. P. 199-211.

⁴ Lemaire, Andre. *The Sage in School and Temple* / Andre Lemaire // *The Sage in Israel and the Ancient Near East* / Ed. by J. G. Gammie; L. G. Perdue. Eisenbrauns, Winona Lake, 1990. P. 165-184.

⁵ О мудрости и мудрецах в придворной ближневосточной среде см. статьи: Williams, Ronald J. *The Functions Sage in the Egyptian Royal Court* / Ronald J. Williams // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 95-98.

Sweet, Ronald F. G. *The Sage in Mesopotamian Palaces and Royal Courts* / Ronald F. G. Sweet // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 99-108.

Mack-Fisher, Loren F. *The Scribe (Sage) in the Royal Court in Ugarit* / Loren F. Mack-Fisher // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 109-116.

Brueggemann, Walter A. *The Social Significance of Solomon as a Patron of Wisdom* / Walter A. Brueggemann // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 117-132.

Whybray, R. N. *The Sage in the Israelite Royal Court* / R. N. Whybray // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 133-140.

⁶ См.: Heaton, E. W. *The School Tradition of the Old Testament. The Bampton Lectures for 1994* / E. W. Heaton. Oxford University Press, 1994.

Обзор истории еврейской мудрости в эпоху Ветхого Завета см.: Скотт, Р. Б. Й. *Традиция и литература мудрости* / Р. Б. Й. Скотт // *Библейские исследования*. Сборник статей. Выпуск 1. М., 1997. С. 627-646.

гиозной и общественной жизни древнего еврейского народа⁷. О мудрецах, как своеобразной «третьей силе» (по выражению известного исследователя Роберта Б. Й. Скотта⁸) в жизни ветхозаветного народа, говорит и отрывок из книги пророка Иеремии, где в уста врагов пророка вкладываются такие слова: «Придите, составим замысел против Иеремии; ибо не исчез же закон у священника, и совет у мудрого, и слово у пророка» (Иер. 18:18). Этим трем общественным силам соответствуют в еврейской Библии три раздела: Закон (во многом связанный с деятельностью священников), Пророки (повествующий о пророках и передающий их слова) и Писания (плод деятельности мудрецов). Нельзя исключать, что окончательная редакция первых двух разделов Библии является также результатом труда мудрецов. Однако стоит отметить, что литература мудрых существенно отличается от книг Закона и Пророков.

Во-вторых, книги мудрых объединяет их антропоцентризм, особое восприятие человека, то, что затрагиваемые

---

⁷ О роли мудрецов в жизни древнего еврейского народа и их образах в законоположительных, исторических и пророческих книгах Библии см. статьи: Fontain, Carole R. *The Sage in Family and Tribe* / Carole R. Fontain // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 155-164

Camp, Claudia V. *The Sage in Ancient Israel and the Biblical Wisdom Literature* / Claudia V. Camp // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 185-204.

Frymer-Kensky, Tikva. *The Sage in the Pentateuch: Soundings* / Tikva Frymer-Kensky // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 275-288.

McCarter, P. Kyle Jr. *The Sage in the Deuteronomic History* / P. Kyle McCarter Jr. // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 289-294.

Van Leeuwen, Raymond C. *The Sage in the Prophetic Literature* / Raymond C. Van Leeuwen // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 295-306.

Blenkinsopp, Joseph. *The Sage, the Scribe, and Scribalism in the Chronicler's Work* / Joseph Blenkinsopp // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 307-318.

⁸ Скотт, Р. Б. Й. *Традиция и литература мудрости*. С. 615.

в них темы имеют общечеловеческий характер. Литература мудрости касается проблем жизни человека в изменчивом мире, поведения человека при различных обстоятельствах, рассматривает вопросы о страдании человека и справедливости, или воздаянии, рисует образ идеального человека, обладающего правильными качествами и совершающего правильные поступки. В центре внимания мудрецов находился человек. При этом их зачастую интересовал просто человек, человек сам по себе, человек вне национальных, культурных, религиозных и социальных границ. Поэтому так похожи произведения литературы мудрых различных народов, поэтому памятники этой литературы были открыты для самого широкого взаимодействия и взаимовлияния. Ярким примером такого взаимодействия может служить Книга Притчей Соломоновых, представляющая собой сборник литературных произведений нескольких народов.

Открытость литературы мудрых, всеобщность провозглашаемых ею ценностей и норм, ее практическая значимость для жизни человека, ее прикладной характер свидетельствует о ее экзотеричности, т. е. обращенности к самой широкой аудитории⁹. И хотя С. С. Аверинцев подчеркивал, что древние литературы Ближнего Востока создавались грамотными людьми, писцами и книжниками для таких же грамотных людей, писцов и книжников¹⁰, произведения литературы мудрых вполне могли быть известны самой широкой аудитории.

Библейские книги мудрых, как и другие книги этого направления, также отличаются открытостью. В них зачастую игнорируются стержневые темы Закона и Пророков. В них практически ничего не говорится о религиозном ритуале, храме с его жертвами, об особом избранничестве народа Божия¹¹. Если пророки иногда и обличали религи-

---

⁹ Вейнберг, И. П. *Человек в культуре Древнего Ближнего Востока*. С. 172.

¹⁰ Аверинцев, С. С. *Поэтика ранневизантийской литературы* / С. С. Аверинцев. М., 1977. С. 190.

¹¹ См. главу «Wisdom and Cult (Excursus)» в книге: von Rad, Gerhard. *Wisdom in Israel* / Gerhard von Rad. Abingdon, 1981. P. 186-189.

озный формализм своих современников, проповедовали универсализм, то тема особых отношений Бога и Израиля никогда ими не оставлялась, а являлась стержнем их проповеди. И всей этой священной истории с ее Откровением Бога, избранничеством народа, заключением Завета, со всеми религиозными предписаниями практически нет в книгах, написанных мудрецами. Авторитетом для библейских мудрецов был в первую очередь, по словам Роберта Б. Й. Скотта, «дисциплинированный ум и моральный опыт достойного человека»¹². Но именно этот ум и опыт приводил их к той же точке, на которой основывали свои слова священники и пророки – к вере в Яхве.

В-третьих, книги мудрых объединяет сама тема мудрости и их цель – оказать практическую помощь для того, чтобы обрести мудрость в жизни. Но что это за мудрость, о которой говорят эти книги? Понятие мудрости в Библии имеет несколько смысловых уровней. В своем первичном значении это понятие далеко от отвлеченного теоретизирования. Оно тесно связано с действием, практикой, практическими навыками, умениями, с поведением человека. В этом смысле древнееврейская «хохма» (חכמה) вполне соответствует древнегреческой «софии» (σοφία). Как и «хохма» (חכמה), «софия» (σοφία) (в изначальном словоупотреблении) – это практический навык, умение, ловкость (хитрость), творческая деятельность¹³. Эрих Ценгер очень точно определяет межкультурный феномен мудрости как практическое знание жизни или повседневное знание, добытое с помощью практики или направленное на достижение практических целей¹⁴.

Но библейская мудрость – это не просто ловкость и искусность в каком-нибудь конкретном деле, которая приобретается самим человеком (обладающим определенными

---

¹² Скотт, Р. Б. Й. *Традиция и литература мудрости // Библейские исследования*. С. 616.

¹³ Адо, П. *Что такое античная философия?* П. Адо / М., 1999. С. 32-36.

¹⁴ Ценгер, Э. *Книги Премудрости / Э. Ценгер // Введение в Ветхий Завет*. Под редакцией Э.Ценгера. М., 2008. С. 431.

способностями), она имеет отношение ко всей человеческой жизни. Мудрость – это искусство правильной жизни и деятельности человека. И даже более того, в Библии мудрость выходит за человеческие границы. Она – не только человеческое качество. Она тесно связана с Богом, является качеством Самого Божества, она приходит к человеку от Бога как дар, является способом откровения Бога. Библейские авторы в осознании мудрости идут еще дальше: мудрость становится Мудростью, обретает личные черты, персонифицируется¹⁵. Мудрость из практического искусства жизни превращается в (Пре)мудрость Божию, причастную созиданию этого мира и являющуюся человеку в Откровении. Поэтому и цель этих книг, в конечном счете, перерастает из научения правилам жизни, практической мудрости, в приобщение к Божественной Мудрости, праведности, в научение пути, приводящего к особой близости к Богу.

Стержнем литературы мудрости является убеждение в том, что в мире существует некий всеобщий порядок, которому должен следовать и человек¹⁶. В Библии для обозначения этого порядка используется термины «правильность-праведность» (תָּרִיף) и «мудрость» (חָכְמָה). Бог-Творец Мудр и Праведен. Он мудро создал мир, создал мир посредством своей Мудрости. Человек должен приобщаться Божественной Мудрости и в подражание Богу становиться мудрым и правильным, праведным. В Месопотамии для обозначения этого всеобщего мирового порядка использовали шумерский термин ME, а в Египте – имя одной из богинь – Маат.

В-четвертых, книги мудрых объединяют особенности их языка и стиля. В этих книгах преобладают поэтические тексты с использованием акrostиха, различных видов па-

---

¹⁵ О персонификации мудрости см. статью: Murphy, Roland E. *The personification of Wisdom / Roland E. Murphy // Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton*. P. 222-233.

О мудрости как женском образе см.: Hadley, Judith M. *Wisdom and the Goddess / Judith M. Hadley // Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton*. P. 234-243.

¹⁶ См. главу «The significance of orders for correct social behaviour» в книге: von Rad, Gerhard. *Wisdom in Israel*. P. 74-96.

раллелизма. Герхард фон Рад в своей книге «Мудрость в Израиле» усматривал в произведениях литературы мудрости такие литературные формы¹⁷, как притча, числовое изречение, автобиография, дидактическая поэма, диалог, басня и аллегория¹⁸, дидактическое повествование, молитва.

Э. Ценгер выделяет четыре литературных формы, которые используются в интересующих нас книгах: изречение, поучительная речь, поучительное стихотворение и поучительный рассказ¹⁹.

Изречения подразделяют на пословицы («воды краденные сладки, и утаенный хлеб приятен» (Притч. 9:17)), сентенции («глупый не любит знания, а только бы высказать свой ум» (Притч. 18:2), высказывания-загадки («у кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза?» (Притч. 23:29)), числовые высказывания («три вещи непостижимы для меня и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице» (Притч. 30:18-19)), призыв («не будь между упивающимися вином, между пресыщающимися мясом: потому что пьяница и пресыщающийся обеднеют и сонливость оденет в рубище» (Притч. 23:20-21)).

Из пословицы человек сам должен сделать практический вывод. Сентенция говорит непосредственно о подразумеваемой реальности. Загадка выражается с помощью вопросительного предложения и побуждает к размышлению, чтобы мотивировать правильный поступок. В число-

---

¹⁷ von Rad, Gerhard. *Wisdom in Israel*. P. 24-49.

О литературных формах литературы мудрости см. также статью: Cathcart, Kevin J. *The Trees, the Beasts and the Birds: Fables, Parables and Allegories in the Old Testament* / Kevin J. Cathcart // *Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton*. P. 212-221.

¹⁸ В Книге Екклесиаста Г. фон Рад усматривал аллегорию в описании старости (Еккл. 12:1-6).

¹⁹ Приводимые сведения о четырех литературных формах мудрости заимствуются из книги: Ценгер, Э. *Книги Премудрости* / Э. Ценгер // *Введение в Ветхий Завет*. Под ред. Э. Ценгера. С. 435-437.

вом высказывании используется ступенчатый параллелизм, а основной акцент приходится на феномене или ситуации, упоминаемой в конце. В призыве прямо указывается на необходимость совершения определенного действия, иногда сообщается и о результате этого действия.

Поучительная речь обычно адресована к определенному слушателю, включает обращение, изложение учения и вывод с указанием на результаты правильного и неверного поведения (Притч. 1:8-19). Поучительное стихотворение не имеет непосредственного адресата, а содержит рассуждения мудреца о смысле жизни, счастье, мире, истории народа, Законе. Такого рода стихотворения характерны для Книги Екклесиаста. В поучительном рассказе истинность учения иллюстрируется примером из жизни определенного лица (Иова, Руфи, Товита).

Библейская литература мудрости отличается и характерной лексикой. В ней часто употребляются такие слова, как חכמה, «мудрость», חכם «мудрец», בינה, «понимание», דעה, «умение, познание», עצה, «совет, решение», כסיל, «глупый», נכונה, «правильность, праведность», מוסר, «наставление» и другие. О характере содержания книг мудрости говорит не только присутствие в их тексте особых слов, но также и отсутствие определенных слов. Например, в Книге Притчей Соломоновых совсем не упоминается храм, жертвы, праздники, даже Суббота, а слово «закон», תורה, используется без сопутствующего имени Бога или Моисея²⁰. Как отмечает Й. Вейнберг, эта книга отличается сдержанным интересом к сфере божественного и особой устремленностью к сфере человеческого²¹. Лексика, употребляемая в книгах мудрых, подтверждает обозначенные выше особенности, говорит о среде, в которой возникли эти книги, свидетельствует об их антропоцентризме и цели – житейской мудрости и праведности.

---

²⁰ О понятийном аппарате Книги Притчей Соломоновых см.: Вейнберг, Й. *Введение в Танах. Писания* / Й. Вейнберг. Иерусалим – М., 2005. С. 62-75.

²¹ Вейнберг, Й. *Введение в Танах. Писания*. С. 75

Я. Ассман говорит о литературе мудрости как «художественной» литературе. Эта литература, отмечает данный исследователь, «в силу отсутствия у нее функциональной привязанности к специфическому контексту использования и также открытости, вплоть до всеохватности, ее тематического кругозора, способна развиваться в гораздо более широких пределах, нежели собственно религиозные словесные традиции»²². Именно поэтому в книгах мудрых встречается некоторая радикальность, постановка неожиданных и не совсем «удобных» для традиционных представлений вопросов – о справедливости, смысле человеческих страданий.

Исследователи традиционно выделяют два направления мысли в произведениях литературы мудрости древних ближневосточных народов²³.

Первое направление отражает нормативную дидактику, т. е. общепринятые нормы, оценки, например, представление о том, что злой человек получит воздаяние, а добрый – сохранит благополучие. Второе направление характеризуется протестом против нормативной дидактики, сомнением относительно традиционных взглядов на жизнь и поведение человека, на проблему страдания. Протестные настроения, несогласие с существующим порядком вещей, давали импульс критическим размышлениям. Критическое настроение усиливалось осознанием ограниченности человеческой мудрости²⁴. Но это же признание пределов чело-

---

²² Ассман, Я. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации* / Я. Ассман. М.: Присцельс, 1999. С. 254.

²³ См., например: Аверинцев, С. *Литература «Премудрости»: нормативная дидактика и протест против нее* / С. Аверинцев // *История всемирной литературы*: В 8 томах. Т. 1. М., 1983. С. 290-299.

²⁴ Об ограниченности человеческой мудрости см.: von Rad, Gerhard. *Wisdom in Israel*. P. 97-110.

О непознаваемости Божества в древней литературе мудрости см. диссертацию: Davis, Ryan Conrad. *Divine Inscrutability in Wisdom Literature in Ancient Israel and Mesopotamia*. Thesis Submitted to the Faculty of the Graduate School of Vanderbilt University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Religion.

веческого знания в некоторых произведениях служило рецептом для принятия традиционных представлений.

Библейские книги второго направления – Книга Иова и Книга Екклесиаста – создают определенное интеллектуальное напряжение. Протест этих книг не является радикальным. В конце концов, в них слышится призыв сохранять верность Богу и традиционным ценностям. Но ответы, которые дают эти книги на сложные вопросы жизни, могут показаться в узких рамках ветхозаветного откровения недостаточно убедительными. Напряжение, которое порождают данные книги, снимается новозаветным откровением, отчего последнее выглядит чаемым, очень ожидаемым. Так что особенностью этой категории книг мудрых является то, что они подготавливали человеческое сознание к евангельской вести о Царстве Небесном.

Как уже отмечалось, библейские книги мудрости являются частью обширной древней литературы мудрости, сохранившейся от народов, некогда населявших Ближний Восток – Египет, Месопотамию и Восточное Средиземноморье. Сравнение памятников этой литературы разных народов свидетельствует об общности тем и проблем, а также о несомненном культурном обмене, происходившем между древними ближневосточными народами.

2. Памятники межнациональной школы мудрости²⁵. Древний Египет

Во всей литературе Древнего Египта наибольшую близость к библейским текстам мы находим именно в произведениях литературы мудрости²⁶.

Nashville, Tennessee, 2010.

²⁵ О памятниках древней ближневосточной восточной литературы мудрости, их общих особенностях и связях см.: Walton, John H. *Ancient Israelite literature in Its Cultural Context: A Survey of Parallels Between Biblical and Ancient Near Eastern Literature* / John H. Walton. Grand Rapids, Michigan, 1990. P. 175-199.

---

²⁶ О египетской литературе мудрости см.: Ray, J. D. *Egyptian Wisdom Literature* / J. D. Ray // *Wisdom in Ancient Israel. Essays in honour of J. A. Emerton*. P. 17-29.

Существует целый ряд сборников, содержащих переводы литературных памятников Древнего Египта, а также общих обзоров литературы Древнего Египта. Укажем некоторые из них на английском и русском языках:

Notes for the Nile together with a Metrical Rendering of Ancient Egypt / By Hardwick D. Rawnsley. New York – London, 1892.

Budge, E. A. Wallis. *The Literature of the Ancient Egyptians* / E. A. Wallis Budge. London, 1914.

The Sacred Books and Early Literature of the East. Volume II: Egypt. New York, London, 1917.

Erman, A. *The Literature of the Ancient Egyptians*. Trans. by A. M. Blackman / A. Erman. London: Methuen & Co., 1927. Репринтное издание: *The Ancient Egyptians; A Sourcebook of Their Writings*. New York, 1966. Первое издание: Erman, A. *Die Literatur der Aegypter* / A. Erman. Leipzig, 1923.

Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament with Supplement. Edited by James B. Pritchard. Princeton University Press, 1969.

Lichtheim, M. *Ancient Egyptian Literature*. Vol. 1: *The Old and Middle Kingdoms*. Vol. 2: *The New Kingdom*. Vol. 3: *The late period*. Berkeley, 1973, 1976.

Selections from the Husia: Sacred Wisdom of Ancient Egypt. Selected and Retranslated by Maulana Karenga. Los Angeles: The University of Sankore Press, 1989.

Williams, Ronald J. *The Sage in Egyptian Literature* / Ronald J. Williams // *The Sage in Israel and the Ancient Near East* / J. G. Gammie; L. G. Perdue. Eisenbrauns, Winona Lake, 1990. P. 19-30.

Parkinson, R. B. *Voices from Ancient Egypt. An Anthology of Middle Kingdom Writings* / R. B. Parkinson. London, 1991.

Parkinson, R. B. *The Tale of Sinuhe and Other Ancient Egyptian Poems 1940–1640 bc* / R. B. Parkinson. Oxford, 1997.

Ancient Egyptian Literature: An Anthology. Translated by John L. Foster. University of Texas Press, 2001.

The Literature of Ancient Egypt. An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies, and Poetry. Third Edition. Edited and with an introduction by William Kelly Simpson. With translations by Robert K. Ritner, William Kelly Simpson, Vincent A. Tobin, and Edward F. Wente, Jr. Yale University Press/New Haven & London, 2003.

The Context of Scripture. Vol. I. *Canonical Compositions from the Biblical World*. Vol. II. *Monumental Inscriptions from the Biblical World*.

Как уже упоминалось, в Египте идея разумного порядка, который затрагивает весь мир, природу и человека, обозначалась словом Маат²⁷. Нарушение этого идеального по-

---

Vol. III. *Archival Documents from the Biblical World*. Editor William W. Hallo. Leiden-Boston: Brill, 2003.

Тураев, Б. А. *Египетская литература*. Т. 1. *Исторический очерк древнеегипетской литературы* / Б. А. Тураев. М., 1920. Тураев, Б. А. *Египетская литература* // Брестед, Д.; Тураев, Б. *История Древнего Египта*. Т. 2 / Д. Брестед; Б. Тураев. Мн.: Харвест, 2002.

Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта. Перевод И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона. М., 1958.

Поэзия и проза древнего Востока. Библиотека всемирной литературы. Т. 1. М., 1973.

Кацнельсон, И. С. *Художественная литература* / И. С. Кацнельсон // *Культура Древнего Египта*. М.: Наука, 1976.

Повесть Петеусе III. Древнеегипетская проза. Перевод М. А. Коростовцева. М., 1978.

Сказки и повести Древнего Египта. Перевод и комментарии И. Г. Лившица. Л.: Наука, 1979. (Литературные памятники).

Коростовцев, М. А. *Литература Древнего Египта* / М. А. Коростовцев // *История всемирной литературы: В 8 томах* / АН СССР; Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983. Т. 1.

Древний Египет. Сказания. Притчи. Перевод И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона. М.: Совпадение, 2000.

²⁷ Этому египетскому принципу посвятил специальное исследование Ян Ассман:

Assmann, Jan. *Maat: Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im Alten Ägypten* / Jan Assmann. Munich: Beck, 1990. Изложение содержания исследования Я. Ассмана см.: Adams, Samuel L. *Wisdom in Transition. Act and Consequence in Second Temple Instructions*. P. 22-23.

Assmann, Jan. *Maât, l'Égypte pharaonique et l'idée de justice sociale* / Jan Assmann. Paris: Julliard, 1989.

См. также: Fox, M. V. *World Order and Maat: A Crooked Parallel* / M. V. Fox // *Journal of the Ancient Near Eastern Society*. № 23. New York, 1995. P. 37-48.

Teeter, Emily. *The Presentation of Maat: Ritual and Legitimacy in Ancient Egypt* / Emily Teeter. University of Chicago, 1997. (Studies in Ancient Oriental Civilization. No. 57).

Karenga, Maulana. *Maat, The Moral Ideal in Ancient Egypt: A Study in Classical African Ethics* / Maulana Karenga. New York: Routledge, 2003. (African Studies: History, Politics, Economics and Culture).

рядка (с чем древние египтяне, как и все люди, сталкивались постоянно) называлось Исефет. По словам Я. Ассмана, египтянин «видел действительность не как совокупность заурядных или экстраординарных событий и данностей, но как Маат – первозданную полноту смысла, проявляющую себя в изобилии и справедливости»²⁸. Реализовывать, творить Маат, призван был фараон, которому следовало поддерживать на земле справедливость, обеспечивать людей, умиротворять богов жертвоприношениями, а умерших – подношениями.

Характерно, что богиня Маат заняла важное место в посмертном суде над человеком. Одна из виньеток 125 главы Книги мертвых изображает сцену взвешивания сердца умершего. На этой картинке можно видеть, что богиня Маат или перо, ее символ, помещен на второй чаше весов²⁹. Сердце человека (т. е. его совесть) должно было соответствовать Маат (т. е. Правде и Истине).

Важные сведения о египетском представлении о Маат имеются в Заклинании 80 из Текстов Саркофагов. В нем сообщается об Атуме, древнейшем божестве, которое возникло само по себе и породило бога воздуха Шу и богиню влаги Тефнут. В тексте заклинания говорится, что имя сына Атума Шу – «Жизнь», а имя дочери Атума Тефнут – «Маат», т. е. «Правда»³⁰. Эти дети Атума были с ним перед

Lipson, Carol S. *Ancient Egyptian Rhetoric: It All Comes Down to Maat* / Carol S. Lipson // *Rhetoric before and beyond the Greeks* / Carol S. Lipson and Roberta A. Binkley, editors. State University of New York Press, 2004. P. 79-97.

В 2003 году Жданов Владимир Владимирович защитил диссертацию на степень кандидата философских наук на тему: «Эволюция категории "Маат" в древнеегипетской мысли». Эта работа легла в основу книги: Жданов, В. В. *Эволюция категории "Маат" в древнеегипетской мысли* / В. В. Жданов. - М.: Современные тетради, 2006.

²⁸ Ассман, Я. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации*. С. 19.

²⁹ Бадж, Э. А. У. *Египетская книга мертвых* / Э. А. У. Бадж. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 360.

³⁰ Текст заклинания приводится в кн.: Ассман, Я. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации*. С. 266-272.

началом его творческой активности: «Когда я пребывал один в Нуне, в (состоянии) «неспособности к действию», - я не находил никакого места, чтобы встать на него, я не находил никакого места, чтобы сесть на него, Гелиополь еще не был основан, чтобы я мог поселиться в нем, моя храмина (?) еще не была сооружена, чтобы я мог сидеть в ней, Нут я еще не создал, чтобы она распростерлась над моей головой, первое поколение богов еще не родилось, древнейшая Девятка богов еще не возникла – Они («Жизнь» и «Маат») уже тогда были со мной»³¹.

В этом же заклинании рассказывается, что Атум выплюнул Шу и Тефнут из своих уст, что Шу был создан сердцем Атума, вышел как дыхание из его ноздрей, что Шу оживляет птиц, рыб, животных, человека³². Нельзя не заметить сходства между египетским представлением о детях Атума (Шу и Тефнут) и библейским образом персонифицированной Мудрости из Притч. 8:22-31.

Египетское представление о норме человеческой жизни, человеческого поведения отразилось и в религиозных памятниках (таких, например, как знаменитая Исповедь Отрицания из той же 125 главы Книги мертвых³³), и собственно в памятниках литературы мудрых. В самой же египетской литературе мудрых, также как и в библейской, мы встречаем два направления, одно из которых, убежденное в наличии всеобщего порядка, Маат, утверждает и защищает традиционные ценности, а второе – выражает сомнение в необходимости следования общепринятым нормам жизни. Первое направление представлено множеством поучений.

В литературе Древнего Египта форма поучения, наставления сыну, которое давалось со стороны представителя власти – царя или вельможи – получила самое широкое распространение. Тексты подобного рода появились в Египте, вероятно, еще в эпоху Древнего Царства.

---

³¹ Цит. по: Ассман, Я. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации*. С. 268-269.

³² Ассман, Я. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации*. С. 271-272.

³³ Бадж, Э. А. У. *Египетская книга мертвых*. С. 356.

По мнению Б. А. Тураева³⁴, одним из первых «поучений», или «премудростей» Древнего Египта следует считать «Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», хранящееся в Эрмитаже Санкт-Петербурга и в московском Музее изобразительных искусств. Широкое распространение получило и другое царское поучение – «Поучение Аменемхета».

До нас дошел и целый ряд поучений египетских вельмож. Среди них – «Премудрость Кагемни», современника III династии, находящаяся в поврежденной рукописи Среднего Царства; «Премудрость Птаххотепа», современника V династии; «Премудрость Схотеписа», начертанная в его гробнице в Абидосе, а также ряд других³⁵. В этих текстах нет пессимизма произведений переходного периода. Их отличает утилитаризм. «И по содержанию, и морали, их нельзя сравнивать с библейскими аналогичными книгами, - отмечает Б. А. Тураев, - хотя с литературной стороны они, на первый взгляд, их несколько и напоминают»³⁶.

К Позднему периоду истории Египта (или к эпохе Нового Царства) относятся «Поучения Ани своему сыну Хонсухотепу». Ани был жрецом заупокойного храма одного из царей. Для этих наставлений характерны теплое интимное благочестие, идея прижизненного воздаяния за поведение, монотеистическое настроение³⁷.

«Поучение Аменемопе», текст которого хранится в Британском музее, имеет особое значение при изучении Книги Притчей Соломоновых. Тридцать глав этого сочинения адресованы чиновником своему младшему сыну. Исполнение моральных предписаний, по мнению древнего чиновника, обеспечивают процветание в жизни. Для этого памятника также характерно монотеистическое настроение, поскольку автор избегает употребления имен опреде-

---

³⁴ Тураев, Б. А. *Египетская литература* / Б. А. Тураев // Брестед, Д., Тураев, Б. *История Древнего Египта*. Т. 2. Мн., 2002. С. 258.

³⁵ См.: Тураев, Б. А. *Египетская литература*. С. 259-263.

³⁶ Тураев, Б. А. *Египетская литература*. С. 260.

³⁷ Тураев, Б. А. *Египетская литература*. С. 361.

ленных божеств. А моральные предписания напоминают как стиль, так и дух еврейского Закона и притчей³⁸.

«Поучение Онхшешонхи», датируемое примерно V веком до Р. Х., содержит более пятисот кратких поговорок, наставлений, имеющих практический, этический и религиозный характер. Это собрание не имеет системного характера, но предваряется рассказом о том, как жрец составил поучения для своего сына накануне своего тюремного заключения. Некоторые изречения этой книги напоминают слова Книги Притчей Соломоновых и Книги Екклезиаста. Но это сходство касается не столько формы, сколько содержания. «В беде не иди к брату, иди к другу»³⁹ – «В дом брата твоего не ходи в день несчастья твоего: лучше сосед вблизи, чем брат вдали» (Притч. 27:10). «Тот, кто ворочает камни, придавит ногу» – «Кто роет яму, тот упадет в нее; и кто покатит вверх камень, к тому он воротится» (Притч. 26:27).

Заметное место среди памятников литературы мудрости занимает и рассказ «Обличения поселянина» (списки конца XIX – XVIII века до Р. Х., текст восходит к XXI веку), напоминающий другие египетские тексты, в которых перед фараоном выступают мудрецы⁴⁰. Речи поселянина, представленные в произведении, имеют поэтическую форму, составлены с использованием параллелизма. Текст включает ряд древних народных поговорок.

Всем этим памятникам, образцам дидактической, практической, охранительной традиции в литературе мудрости, противостоят памятники критической традиции, скептически оценивающие традиционные нравственные и религиозные ценности. К числу таких критических произведений относятся «Песни арфиста», «Разговор разочаро-

---

³⁸ Скотт, Р. Б. Й. *Традиция и литература мудрости*. С. 651.

³⁹ Примеры см.: Скотт, Р. Б. Й. *Традиция и литература мудрости*. С. 652-653.

⁴⁰ Тураев, Б.А. *Египетская литература*. С. 255.

ванного со своим Ба»⁴¹, «Размышления Хахаперрасенеба со своим сердцем».

Для христианина в этом пласте древнеегипетской литературы мудрых могут показаться очень интересными и важными сомнения критически мыслящих авторов в абсолютной ценности материального мира, а также присущая «Беседе разочарованного со своей душой» жажда вечности. Впрочем, мысля о вечности, египтяне оставались в плену материального и магического, ставя продолжение жизни по смерти в зависимость от материальных способов ее преодоления, а также прибегая к помощи магии, которая способна была обмануть и самих богов, скрыть от них реальные факты из прожитой человеком жизни.

Особо следует остановиться на том, как в Египте рассматривалась проблема несправедливости, проблема страдания, проблема, которая поднималась в библейской книге Иова и в целом ряде месопотамских памятников. По мнению Я. Ассмана, продумывание обозначенных проблем в Египте давало определенный импульс к формированию монотеистических представлений. «Вопрос о Боге возник – что имело решающее значение – не в горизонте культа, но в горизонте мудрости; возник вопреки традиционному знанию об упорядоченности мира и о возможности жить в согласии с этим порядком. Возник в революционной ситуации, когда любой порядок ставился под сомнение, и всякое согласие казалось навсегда разрушенным», – отмечает Я. Ассман⁴². По мнению этого исследователя, глобальный кризис в Египте последовал за крушением Древнего Царства. В дальнейшем он повторился и при падении Среднего Царства.

---

⁴¹ Высказанные в этом произведении сомнения в связи загробной участи с формальными культовыми требованиями (впоследствии ярко выраженные в египетском сказании о Сатни-Хемуасе) могут напомнить учение библейских пророков, осуждавших религиозный формализм.

⁴² Ассман, Я. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации*. С. 255.

Ситуация социального кризиса отражается в нескольких древнеегипетских произведениях. «Пророчество Неферти» описывает несчастья, социальные потрясения и конечное торжество правды, восстановление порядка. «Речения Ипувера» красочно представляет картину всеобщего упадка и предрекает приход какого-то истинного пастыря. В тексте этого памятника Я. Ассман усматривает упрек в адрес Бога-Творца⁴³. Ответ на упрек Богу в бездействии этот же исследователь видит в «Поучении Мерикара»: мир не оставлен вниманием Бога, даже когда на земле происходит трагическое истребление людей, это случается во благо человека.

Египетские тексты, провозглашая «Маат», говоря о Боге, затрагивая ситуацию нарушения всеобщего порядка, пытаются защитить Бога от обвинений в безразличии к человеку или в сопричастности к злу. Ярким примером подобной теодицеи является и заклинание 1130 Текстов Саркофагов. В этом заклинании Бог, говоря о своих четырех деяниях, произносит такие слова: «Я создал каждого таким, как и его ближнего, и запретил им творить несправедливость. Но их сердца воспротивились тому, что я повелел... Я сужу бедных и богатых, я одинаково поступаю со всеми, кто творит несправедливость»⁴⁴. В этом заклинании говорится также о том, что этот Бог сотворил других богов. В целом же этот текст провозглашает наличие высшего Бога, творца богов и людей, который не безразличен к преступлениям человека, который сотворил всех людей равными, но дал им возможность свободно осуществлять в мире свою волю. И хотя египетская теодицея и не уходит от политеизма, она все же ориентирована на монотеизм.

---

⁴³ Ассман, Я. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации*. С. 256.

⁴⁴ Ассман, Я. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации*. С. 261, 263.

3. Древняя Месопотамия⁴⁵

Если в Египте всеобщий мировой порядок связывался с понятием Маат, то в Месопотамии – с понятием МЕ. Шумерское слово МЕ писалось знаком, обозначающим высунутый язык. МЕ – это своего рода божественные законы. По определению В. В. Емельянова, МЕ – «это потенции, идеальные модели вещей и качеств, имеющих отношение к храму и жизни богов», или «ниспосланная Небом благодать, дающая правильный порядок вещей и положительный результат при следовании этому имперсональному порядку»⁴⁶. Все вещи и явления, возникающие в мире, имеют свое МЕ, являются проявлениями своего МЕ. МЕ, иными словами, – это условие, основа существования вещей и явлений. Чем лучше вещь или явление, тем ближе оно к своему МЕ. Свое МЕ имеет и каждое человеческое действие. Чем больше действие соответствует своему МЕ, тем более оно действенно. МЕ переводится также как ритуал. Когда гибнет МЕ, гибнет и порядок, связанное с МЕ

---

⁴⁵ О литературе мудрости в Древней Месопотамии см.: Lambert, W. G. *Babylonian Wisdom Literature* / W. G. Lambert. Oxford, 1960.

Lambert, W. G. *Some New Babylonian Wisdom Literature* / W. G. Lambert // *Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton*. P. 30-42.

Gordon, Edmund I. *A New Look at the Wisdom of Sumer and Akkad* / Edmund I. Gordon // *BO (Bibliotheca orientalis)*. № 17. 1960. P. 122-152.

Foster, B. R. *Wisdom and the Gods in Ancient Mesopotamia* / B. R. Foster // *Orientalia*. 1974. № 43. P. 344-354.

Kramer, Samuel Noah. *The Sage in Sumerian Literature: A Composite Portrait* / Samuel Noah Kramer // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 31-44.

Sweet, Ronald F. *The Sage in Akkadian Literature: A Philological Study* / Ronald F. Sweet // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 45-66.

Harris, Rivkah. Female “Sage” in Mesopotamian Literature (with an Appendix on Egypt) / Rivkah Harris // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 3-18.

⁴⁶ Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии* / В. В. Емельянов. СПб., 2003. С. 34-35.

явление. В шумерских плачах, посвященных разрушению городов, сообщалось о гибели МЕ этих городов. В шумерских текстах упоминается, что первоначально МЕ хранились на небе, но потом были спущены богам, бог Энки хранил МЕ в своем дворце, откуда они были похищены богиней Инанной⁴⁷. Правильная, мудрая жизнь в этой связи может заключаться в следовании исконному идеальному порядку, МЕ.

В Древней Месопотамии древнейшие тексты литературы мудрости были созданы шумерами. Сохранилось много памятников шумерской дидактической литературы. Это целые сборники пословиц, поговорок, а также поучения («Поучения Шуруппака», «Премудрые советы»), диалоги-споры, эссе (поэма «Человек и его бог»). Пословицы и поговорки активно использовались для тренировки навыков письма и устной речи⁴⁸. Насчитывают около семисот табличек и фрагментов с пословицами и около 20 сводов пословиц, включающих до тысячи пословиц⁴⁹. Изучением шумерских пословиц активно занимался Эдмунд Гордон. Пословицы как никакой другой жанр литературы мудрости отличается общечеловеческим характером. Как отмечал С. Крамер, пословицы не позволяют усомниться в единстве человеческого рода, общности народов и рас, они показывают то основное и общее, что есть у всех людей вне зависимости от их времени и места жизни⁵⁰.

«Поучение Шуруппака» датируют временем около 2000 года. Однако приписывается этот текст царю Шуруп-

---

⁴⁷ Анализ мифа «Инанна и Энки», рассказывающего о похищении МЕ Инанной см.: Емельянов, В. В. *Древний Шумер. Очерки культуры* / В. В. Емельянов. СПб., 2001. С. 232-243.

⁴⁸ О дидактической шумерской литературе, шумерской литературе мудрости см.: Крамер, С. Шумеры. *Первая цивилизация на земле* / С. Крамер. М., 2002. С. 242-250.

Крамер, С. Н. *История начинается в Шумере* / С. Н. Крамер. М., 1965. С. 136-168.

Емельянов, В. В. *Древний Шумер. Очерки культуры*. С. 211-213.

⁴⁹ Крамер, С. *Шумеры. Первая цивилизация на земле*. С. 249.

⁵⁰ Крамер, С. Н. *История начинается в Шумере*. С. 142.

паку, отцу Зиусудры, шумерского аналога Ноя. Это напоминает то, как Притчи Соломона, являясь сборником текстов разных авторов, приписываются в Библии царю Соломону. Общим своим настроением «Поучение Шуруппака» перекликается с Притчами Соломона, имеет, как выразился С. Крамер, библейский аромат⁵¹: «Шуруппак дал наставление сыну, Шуруппак, сын Убартуту, дал наставления сыну своему Зиусудре: “Сын мой, я дам тебе наставления, ты прими их, Зиусудра, я реку тебе слово, слушай его; не отбрось моих наставлений, не изврати слова, что я изрек, наставление отца, драгоценное, исполни бережно”»⁵².

Распространенной формой мудрости в Месопотамии была басня⁵³. Этот жанр был особо популярен у шумеров и использовался ими при написании диалогов-споров. В басне животные и растения наделяются человеческой речью. Исследователи выделяют несколько типов басен. Один тип отражает соревнование, другой – включает в качестве действующих лиц человека или божество (в Библии этому примерно соответствует история о валаамовой ослице (Числ. 22:21-35) или об искушении от змея (Быт. 3)), третий – соотносит действия и поступки представителей природного мира с действиями и поступками людей (ср.: Суд. 9:8-15 и 4 Цар. 14:9)⁵⁴.

Особое место в литературе Древней Месопотамии занимала тема зла, страданий невинного, праведного человека. Размышления на эту тему породили, по мнению Й. Вейнберга⁵⁵, два типа сочинений – теодицею и сочинения о «невинном страдальце». Основой этих размышлений была убежденность в том, что благой, справедливый всемогущий Бог намеренно допускает зло и несправедливость для проверки богобоязненности и порядочности человека. В

---

⁵¹ Крамер, С. *Шумеры. Первая цивилизация на земле*. С. 248.

⁵² Цит по: Крамер, С. *Шумеры. Первая цивилизация на земле*. С. 248-249.

⁵³ См.: Крамер, С. Н. *История начинается в Шумере*. С. 149-156.

⁵⁴ Скотт, Р. Б. Й. *Традиция и литература мудрости*. С. 656.

⁵⁵ Вейнберг, Й. *Введение в Танах. Писания*. С. 96.

теодицее главным субъектом действия является Бог, в сочинениях второго типа – человек, невинный страдалец.

Древнейшим произведением о невинном страдальце считается шумерская поэма «Человек и его бог», созданная на рубеже III-II тысячелетий до Р. Х. Текст этой поэмы, насчитывающий 139 строк, найденный в Ниппуре, хранится в музее Пенсильванского Университета и Музее Древнего Востока в Стамбуле. В поэме представлен богатый, мудрый и благочестивый человек, имеющий много родни и друзей. Однажды этот человек поражается болезнями и напастями. В тяжелых обстоятельствах он обращается к своему личному богу с мольбой. Бог услышал молитву и избавил страдальца от всех несчастий. По мнению С. Н. Крамера, переводчика этой поэмы, «основная мысль поэмы заключается в том, что среди страданий и горестей, какими бы несправедливыми они не казались человеку, у него остается лишь один разумный выход: постоянно восхвалять своего Бога, взывать к нему, плача и стеноя, пока он сам не захочет благосклонно внять мольбам несчастного»⁵⁶.

В основе этого произведения лежит молитва страдальца. Современный российский шумеролог В. В. Емельянов обращает внимание на то, что молитва, индивидуальное обращение человека к божеству, нехарактерна для шумерской словесности⁵⁷. Необычным, по его же мнению, является в этом памятнике и обращение человека к абстрактному божеству, имя которого не обозначено⁵⁸.

Памятник дает образец правильного поведения человека в страдании. Однако вопрос о причине страдания в тексте практически не поднимается. Есть только намек на то, что человек не чист перед богом с момента своего рождения: «Они изрекают, бесстрашные мудрецы, слово истинное и прямое: ни одно дитя не рождается от женщины

---

⁵⁶ Крамер, С. Н. *История начинается в Шумере*. С. 137.

⁵⁷ Емельянов, В. В. *Древний Шумер. Очерки культуры*. С. 245.

⁵⁸ Емельянов, В. В. *Древний Шумер. Очерки культуры*. С. 245.

беспорочным, ... беспорочного подростка не бывало на свете»⁵⁹.

От старовавилонской эпохи до нас дошел текст поэмы «Муж со стенаньем» (список XVIII века до Р. Х.). В нем содержится молитва невинного страдальца и ответ бога на нее («Вел ты себя как муж; сердце твое зла не творило! Кончились годы, исполнились дни наказания!»)⁶⁰. Новым в этой поэме является то, что человек пытается выяснить причину своего страдания, исповедуя свою праведность («Прегрешенья, что сделал, не знаю»). Причина, цель страданий человека остается под покровом тайны. Воля бога, испытывавшего праведного человека, для самого человека сокрыта. Но поведение человека в тяжелой ситуации представляется как образец.

Среднеавилонская поэма о невинном страдальце «Владыку мудрости хочу я восславить»⁶¹ (около XIII века до Р. Х.) представляет собой дальнейшее развитие темы невинного страдальца. Главный герой поэмы – Шубшимешре-Шаккан, влиятельный вельможа при дворе вавилонского царя. На вельможу, который уверен в своей невинности, обрушиваются несчастья. Он теряет богатство, место в обществе, расположения царя и окружающих. Ситуацию осложняют и физические страдания, болезни. В конце поэмы Мардук приносит ему прощение. По мнению Й. Вейнберга, существенными инновациями этого памятника являются обозначение страдальца именем, утверждение героем своей невиновности, признание несправедливости страданий невинного, признание непознаваемости замысла

---

⁵⁹ Цит. по: Крамер, С. Н. *История начинается в Шумере*. С. 140.

⁶⁰ «Муж со стенаньем...». *Старовавилонская поэма о невинном страдальце*. Перевод И. Клочкова // *Когда Анну сотворил небо. Литература древней Месопотамии*. М., 2000. С. 249-250.

⁶¹ «Владыку мудрости хочу я восславить...». *Из среднеавилонской поэмы о Невинном страдальце*. Перевод В. Афанасьевой // *Когда Анну сотворил небо. Литература древней Месопотамии*. С. 251-254.

божества, признание невнимания части богов к мольбам страдальца⁶².

Еще больше напоминает библейскую Книгу Иова аккадская поэма «Мудрый муж, постой, я хочу рассказать тебе»⁶³, которую обычно называют «Вавилонской теодицеей». Поэма написана в первой половине XI века до Р. Х. Ее автор – вавилонский жрец-заклинатель Эсагилкиниуббиб. Начальные клинописные знаки строк этой поэмы образуют акrostих: «Я – Эсагилкиниуббиб, заклинатель, чтущий бога и царя»⁶⁴. Поэма имеет форму диалога между Страдальцем и утешающим его Другом. Эта литературная форма сближает данный памятник с библейской книгой.

Бедствия Страдальца начались еще с раннего детства, когда он познал участь сироты и нищету. В памятнике ставится проблема всеобщности несправедливости. Несчастья постигают чаще благочестивых людей, недоумевает Страдалец, который не решается прямо обвинить богов в несправедливости. В ответ на это Друг говорит о непознаваемости намерений богов, о необходимости всегда просить у богов прощения и милосердия. Однако слова Друга не удовлетворяют Страдальца. Поставленная проблема остается в тексте поэмы не решенной. Этим данный памятник отличается от подобных себе текстов, а также от Библии, где праведный Иов смиряется перед Богом, познав Бога в Откровении.

В X табличке «Эпоса о Гильгамеше» («О все видавшем») имеется отрывок, который перекликается с целым рядом произведений мудрости. В поисках бессмертия после смерти Энкиду Гильгамеш находит Сидури, хозяйку богов. Сидури сказала Гильгамешу: «Куда ты стремишься? Жизни, что ищешь, не найдешь ты! Боги, когда создавали человека, - смерть они определили человеку, жизнь в своих

---

⁶² Вейнберг, Й. *Введение в Танах. Писания*. С. 98.

⁶³ Перевод поэмы, осуществленный И. Клочковым, см.: *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Ч. 1. С. 186-190. *Когда Анну сотворил небо. Литература древней Месопотамии*. С. 277-285.

⁶⁴ *Когда Анну сотворил небо. Литература древней Месопотамии*. С. 415.

руках удержали. Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок, днем и ночью да будешь ты весел, праздник справляй ежедневно, днем и ночью играй и пляши ты! Светлы да будут твои одежды, волосы чисты, водой омывайся, гляди, как дитя твою руку держит, своими объятиями радуй подругу — только в этом дело человека!»⁶⁵. Эти слова повторяются в Еккл. 9:7-9. Эпос имеет и целый ряд других общих черт с Книгой Екклезиаста. Их объединяют особое внимание к смерти, неудовлетворенность от всех своих дел перед лицом смерти, устремленность к вечной жизни, признание человеческой ограниченности и божественной непостижимости, призывы к смирению перед божественной волей. Связывает эти памятники и наличие в них диалога с сердцем, и двойственное отношение к женщине, и понимание важности дружества.

«Разговор господина с рабом» («Раб, повинуйся мне») часто называют «Диалогом о пессимизме». Произведение это дошло в пяти копиях, древнейшая из которых относится к VII веку до Р. Х. Сам же текст восходит к X веку⁶⁶. Содержание этого памятника получает самую различную оценку⁶⁷. Произведение состоит из 11 фрагментов, в каждом из которых господин высказывает два противоположных желания, которые одобряет раб с равной степенью убедительности. Его автора признают то вольнодумцем и атеистом, то религиозным человеком. Сравнивают его и с греческими софистами. По словам Р. Скотта, в произведении дается «забавная и полуюмористическая трактовка двусмысленности жизни», подчеркивается двусмыслен-

---

⁶⁵ «О все выдавшем». Со слов Син-Лике-Уннинни, заклинателя. Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. Литература Древней Месопотамии. С. 188-189.

⁶⁶ Якобсон, В. «Раб, повинуйся мне!...». Разговор господина с рабом / В. Якобсон // Когда Анну сотворил небо. Литература древней Месопотамии. С. 395-396.

⁶⁷ См.: Емельянов, В. В. Ритуал в Древней Месопотамии. С. 180.

ность морали, и смерть провозглашается единственной ценностью⁶⁸.

В. В. Емельянов считает, что правильнее перевести начальные слова этого произведения как «Раб, соглашайся со мной», поскольку в этом диалоге-парадоксе нет спорящих, а есть два собеседника, формально согласных друг с другом⁶⁹. Он же считает, что в этом диалоге на самом деле поднимается вопрос не о смысле жизни, а о том, что есть благо для человека. Вследствие этого В. В. Емельянов называет это произведение «Диалог о благе»⁷⁰. По его мнению, в сочинении представлен конфликт воли и рассудка. Господин обладает волевым порывом и жаждой действия. Однако он не в состоянии осмыслить последствия своего действия. Раб выступает в роли рассудка и орудия действий господина. Раб приводит господина к мысли, что благо заключается в отсутствии действия. А поскольку каждое действие имеет свое небесное МЕ и эквивалентно бытию, то отсутствие действия ведет к смерти. Так что благо заключается в небытии, в смерти. Такое отрицание действия возникло, по мнению В. В. Емельянова, в конкретных исторических обстоятельствах, к началу I тысячелетия, когда месопотамская цивилизация столкнулась с большими трудностями, испытаниями, преодолеть которые ритуальные действия не помогали. В это время, как замечает данный исследователь, «молодой мир уходил из сферы внешнего действия, дающего пользу телу, в сферу внутреннего познания, спасающего душу. Вероятно, Вавилон был слишком стар для такого радикализма, поэтому тут воздержание от действия и недоверие к ритуалу были восприняты как отказ человека от личного бытия... Рассудок и душа оказались непосильны вавилонскому человеку»⁷¹.

Этот памятник напоминает тексты о невинном страдальце, Вавилонскую теодицею, а также эпос о Гильгаме-

---

⁶⁸ Скотт, Р. Б. Й. *Традиция и литература мудрости*. С. 659.

⁶⁹ Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии*. С. 180.

⁷⁰ Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии*. С. 181.

⁷¹ Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии*. С. 185.

ше. В эпосе роль Господина выполняет Гильгамеш, а роль Раба – Энкиду. По мнению В. В. Емельянова, «Разговор господина с рабом» был намеренно уподоблен знаменитому эпосу, чтобы выразить новую систему ценностей, столкнуть старое представление о благе бессмертия, которое можно получить через ряд позитивных действий, с новым представлением о благе небытия, отрицающем всякое действие⁷².

Напоминает это произведение и египетский памятник «Беседа разочарованного со своей душой», и библейскую Книгу Екклезиаста. С Книгой Екклесиаста «Разговор господина с рабом» объединяет диалогичный характер, поиск блага, противоречивое отношение к человеческой деятельности, жизни и смерти, пессимизм, отношение к женщине, признание одинаковой участи всех людей и недостижимости мудрости, даже юмор.

К первому, традиционалистскому, охранительному направлению литературы мудрых в Древней Месопотамии можно отнести «Книгу Ахиахара Премудрого»⁷³. Произведение содержит собрание мудрых речений Ахиахара, хранителя печати Ассирийских царей Синнахериба и Ассур-Аддина, обращенных в качестве поучения к усыновленному Ахиахаром племяннику Надаву. Об «Ахиахаре и Надаве, племяннике его», приглашенных по случаю исцеления Товита и женитьбы Товии, упоминается в книге Товита (Тов. 11:17). Фрагменты древнейшей версии книги сохранились в арамейском папирусе конца V века до Р. Х., найденном в Египте на острове Элефантина. Полностью сохранилась древняя сирийская версия. Текст восходит к ассирийской эпохе.

Ряд речений этой книги напоминает некоторые выражения из библейской Книги Притчей Соломоновых. Приведем только один пример, напоминающий Притч. 13:24 –

---

⁷² Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии*. С.187.

⁷³ Об этом произведении см. статью: Greenfield, Jonas C. *The Wisdom of Ahiqar / Jonas C. Greenfield // Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton*. P. 43-54.

«Сын мой, не уставай наказывать дитя твое; наказание дитяти – как удобрение сада, как завязывание кошеля, как обуздание скотины и как затвор на воротах. Сын мой, оторви сына твоего от зла, чтобы уготовать себе покой в старости твоей; поучай его и наказывай его, пока он юн, понудь его слушать повелений твоих, чтобы немного после он не стал вопить и восставать на тебя» (3:29-31)⁷⁴.

В Древней Передней Азии литература мудрости существовала также в Сиро-Палестине, о чем свидетельствуют находки, сделанные в Древнем Угарите⁷⁵.

Исходя из всего вышесказанного, становится очевидным, что библейская литература мудрых является органичной частью ближневосточной литературы мудрых. Вместе с тем, она же является и органичной частью библейской литературы, частью Священного Писания. Следовательно, библейские книги мудрецов должны обладать определенным своеобразием.

4. Библейская литература мудрости и ее своеобразие. Книга Притчей Соломоновых

Книга Притчей Соломоновых – это собрание сборников мудрых изречений, составленных различными авторами в разное время⁷⁶. Книга в ее современном виде – это,

---

⁷⁴ *Книга Ахиахара Премудрого*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://biblia.org.ua/apokrif/apocryph2/book_ahiahars.shtml.htm. Дата доступа: 25.08.2009.

⁷⁵ Mack-Fisher, Loren F. *A Survey and Reading Guide to the Didactic Literature of Ugarit: Prolegomenon to a Study on the Sage* / Loren F. Mack-Fisher // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 67-80.

⁷⁶ Об истории изучения Книги Притчей в XIX веке см. статью: Smend, R. *The Interpretation of Wisdom in Nineteenth-Century Scholarship* / Rudolf Smend // *Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton*. 257-268.

Исследовательская литература, посвященная Книге Притчей, необычайно обширна. Укажем лишь на некоторые работы, которые попали в поле нашего зрения в ходе исследования Книги Екклезиаста:

Martin, James D. *Proverbs* / James D. Martin. Sheffield Academic Press, 1995. Old Testament Guides.

скорее всего, результат работы древнего после пленного редактора. Различные исследователи выделяют разное количество частей этой книги – от семи до девяти. Если учитывать надписания, заголовки в масоретском тексте, то книга имеет семь частей. Это три сборника притчей Соломона (самые объемные в книге, каждый – более 100 стихов), три сборника слов различных лиц (Агура, Лемуила и безымянных мудрецов) и отрывок из 12 стихов, приписываемый в тексте неким мудрецам. Текст книги в Септуагинте длиннее масоретского примерно на 130 стихов, имеет дополнения, пропуски и перестановки.

Хотя Книга Притчей и является сборником, однако она обладает определенным композиционным и идейным единством⁷⁷. После первой части книги, остальные части образуют параллельную конструкцию: притчи-слова-слова / притчи'-слова'-слова'. Первая и седьмая части создают своеобразное обрамление книги, поскольку объединены темой добродетельной женщины: в первой части в образе женщины выступает Премудрость, в седьмой – воспевается добродетельная жена.

Датировка книги является предметом постоянных дискуссий⁷⁸. Основная часть Книги Притчей (10-29 главы) бы-

---

Davis, Ellen F. *Proverbs, Ecclesiastes, and the Song of Songs* / Ellen F. Davis. Westminster John Knox Press, Louisville, Kentucky, 2000.

Horne, Milton P. *Proverbs-Ecclesiastes* / Milton P. Horne. (Smyth & Helwys Bible commentary, 12). Macon: Smyth & Helwys Publishing, 2003.

Weeks, Stuart. *Instruction and Imagery in Proverbs 1-9* / Stuart Weeks. Oxford University Press, 2007.

Forti, Tova L. *Animal Imagery in the Book of Proverbs* / Tova L. Forti. Leiden – Boston: Brill, 2008. (Supplements to the Vetus Testamentum; v. 118. The Interpretation of Wisdom Literature).

Crenshaw, James L. *The Sage in Proverbs* / James L. Crenshaw // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 205-216.

⁷⁷ О композиции книги см.: Швинхорст-Шенбергер, Л. *Книга Притчей* / Швинхорст-Шенбергер Л. // *Введение в Ветхий Завет*. Под редакцией Э. Ценгера. С. 485-487.

⁷⁸ О проблеме датировки см.: Швинхорст-Шенбергер, Л. *Книга Притчей*. С. 490-492.

ла создана в допленный период. 1-9 главы часто датируют V веком до Р. Х. Время создания двух последних глав едва ли возможно определить. Окончательное редактирование книги могло происходить в IV-III веке до Р. Х.

Уже сам текст книги свидетельствует о том, что мудрость Древнего Израиля напоялась мудростью других ближневосточных народов, поскольку содержит слова массаитов – Агура и Лемуила. Исследователи находят общие черты между данным текстом и древними памятниками межнациональной школы мудрости, начиная с произведений древних шумеров («Поучения Шуруппака», «Беседы отца с сыном» (XVIII век до Р. Х.)). Однако шумерские памятники, отделенные от времени воздания Книги Притчей тысячелетием, едва ли могли оказать на нее непосредственное влияние. Имеются и другие литературные памятники, близкие к Книге Притчей не только по содержанию, но по времени создания. Отметим литературные параллели⁷⁹ на фоне анализа содержания самой Книги Притчей.

Пролог – первые девять глав – начинается словами: «Притчи Соломона, сына Давидова, царя Израильского». В нем постоянно, через каждые 10-12 стихов, звучит обращение к читающему – «Слушай, сын мой», «Сын мой». Это придает данной части некоторую целостность. В первой части находятся и две речи персонифицированной Премудрости Божией (Притч. 1:20-33; 8:1-36). Этой Премудрости, взывающей к людям у ворот при входе в город, противопоставляется безрассудная шумливая, глупая и ничего не знающая женщина, зазывающая проходящих дорогою (Притч. 9:13-18).

Пролог напоминает древнеегипетские наставления, а также «Советы сыну», найденные в Древнем Угарите. А персонифицированная Премудрость (особенно в ее второй

---

⁷⁹ О влиянии на Книгу притчей древней литературы семитских народов см. статью: Day, John. *Foreign Semitic Influence on the Wisdom of Israel and Its Appropriation in the Book of Proverbs* / John Day // *Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton*. P. 55-70.

речи в 8 главе) очень напоминает древнеегипетскую богиню Маат, Правду-Порядок-Истину.

Вторая глава представляет собой алфавитный акростих и состоит из 22 стихов. Отрывок Притч. 6:16-19 составлен с использованием литературного приема, ставшего известным благодаря расшифровке текстов Древнего Угарита, который называют ступенчатым параллелизмом.

Древнейшей частью считается второй сборник, который имеет надписание «Притчи Соломона» (Притч. 10:1 – 22:16) и включает в себя 375 речений, кратких афоризмов, состоящих, как правило, из двух стихов, расположенных в тематическом порядке. Притчи в этой части написаны в форме поэтического параллелизма и не отличаются ярко выраженной систематичностью. Вероятно, именно о таких, притчах, мудрых речениях Соломона говорится в Третьей Книге Царств: «И изрек он три тысячи притчей» (3 Цар. 4:32).

Третий сборник (Притч. 22:17 – 24:22) начинается словами «Приклони ухо твое и слушай слова мудрых». Отрывок этого сборника 22:17 – 23:11 представляет собой перевод отдельных мест из памятника древнеегипетской литературы «Поучение Аменемопе»⁸⁰.

Иногда в этом отрывке встречается очень близкий пересказ «Поучения Аменемопе». «Приклони ухо твое и слушай слова мудрых и сердце твое обрати к моему знанию» (Притч. 22:17) – «Приклони ухо, прислушайся к ска-

---

⁸⁰ См.: Ruffle, John. *The Teaching of Amenemope and its Connection with the Book of Proverbs* / John Ruffle // *TB* (Theologische Bucherei: Neudrucke und Berichte aus dem 20. Jahrhundert). № 28. 1977. P. 29-68.

См. также диссертацию, посвященную «Поучению Аменемопе», в которой связь «Поучения» с Библией рассматривается в 4 главе: Black, James Roger. *The Instruction of Amenemope: A Critical Edition and Commentary Prolegomenon and Prologue*. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy (Ancient Religions of the Eastern Mediterranean) / James Roger Black. University of Wisconsin – Madison, 2002.

занному, обрати свое сердце, чтобы понять это» (*Поучение Аменемопе*, 1:9)⁸¹.

«Не дружись с гневливым и не сообщайся с человеком вспльчивым, чтобы не научиться путям его и не навлечь петли на душу твою» (Притч. 22:24-25) – «Не братайся со вспльчивым, не приближайся к нему для разговора... пусть он не завлечет тебя и не набросит петля на тебя» (*Поучение Аменемопе*, 11:13,18)⁸².

«Не сиди в харчевне в компании того, кто выше тебя... дружи с тем, кто тебе ровня... От вежливых речей человек не обеднеет, (он получит) больше, чем богатство того, чья речь груба», – говорится в 26 главе «Поучения»⁸³. Подобно тому, как в «Поучении» противопоставляются доброта и сострадание богатству грубого человека, в Книге Притчей подчеркивается бренность материальных ценностей: «Когда сядешь вкушать пищу с властелином, то тщательно наблюдай, что перед тобою... Не прельщайся лакомыми яствами его; это – обманчивая пища. Не заботься о том, чтобы нажить богатство; оставь такие мысли твои. Устремись глаза твои на него, и – его уже нет, потому что оно сделает себе крылья и, как орел, улетит в небо» (Притч. 22:1,3-5). Данный отрывок также, несомненно, перекликается со словами из «Поучения»: «Не тщись найти выгоду, чтобы обеспечить свои потребности. Если ты приобрел богатство грабежом, они не проведут и ночи с тобой; на рассвете они уже вне дома твоего, их место можно узреть, но их уже нет... они сделали себе крылья, как гуси, и улетели к небу» (*Поучение Аменемопе*, 9:14-19, 10:4)⁸⁴.

Всего в Поучении Аменемопе 30 глав. В последней из них говорится: «Пред тобой тридцать глав! Они радуют, они наставляют, они – всем книгам книга, они поучают

---

⁸¹ Вейнберг, Й. *Введение в Танах. Писания*. С. 62. См. также: Скотт, Р. Б. Й. *Традиция и литература мудрости*. С. 651.

⁸² Цит. по: Коростовцев, М. А. *Религия Древнего Египта* / М. А. Коростовцев. СПб., 2000. С. 391.

⁸³ Цит. по: Гордон, С. Г. *Забывшие письмена. Открытие и дешифровка* / С. Г. Гордон. СПб., 2002. С. 233-234.

⁸⁴ Цит. по: Коростовцев, М. А. *Религия Древнего Египта*. С. 391.

незнающего, если их читают несведущему, благодаря им он просвещается»⁸⁵. Этот отрывок может прояснить смысл перекликающихся с ним строк из Книги Притчей Соломоновых: «Не писал ли я тебе *тридцать* в совете и наставлении, чтобы научить тебя точным словам истины, дабы ты мог передавать слова истины посылающим тебя?» (Притч. 22:20-21). Заметим только, что в Синодальном переводе вместо слова «тридцать» стоит «трижды».

Вряд ли можно отрицать связь между этими двумя произведениями древней восточной литературы. Но эта связь никак не может подорвать авторитет Священного Писания. Для укрепления этого авторитета даже нет необходимости утверждать, что еврейский текст предшествовал египетскому (это едва ли возможно) или искать некий общий первичный семитский источник (какой едва ли мог существовать). Достаточно только обратить внимание на само использование египетского текста в еврейском сборнике притчей.

Боговдохновенный составитель Книги Притчей Соломоновых адаптировал чужеземный памятник, выбрав для своего перевода из 30 глав «Поучения» всего 16 речений. Этот выбор, конечно, не имел случайный характер, а производился в соответствии с библейскими, религиозными ценностями. Отмечая это обстоятельство, современный еврейский библиист Й. Вейнберг обращает внимание на то, что древнееврейский переводчик опускал те речения, в которых древнеегипетские божества выступали как структурный компонент содержания, или где отражены специфически древнеегипетские религиозно-этические представления⁸⁶. Также он замечает, что переводчик часто допускал отклонения от оригинала. Эти отклонения бывают двух видов.

Во-первых, в еврейском тексте появляются дополнения, представляющие собой обоснование, объяснение той

---

⁸⁵ Цит. по: Гордон, С. Г. *Забывтые письмена. Открытие и дешифровка*. С. 234.

⁸⁶ Вейнберг, Й. *Введение в Танах. Писания*. С. 61.

или иной рекомендации. Например, египетское «Остерегайся нарушать межи полей...» (*Поучение Аменемопе*, 7:10) приобретает дополнение – «потому что Защитник их силен; Он вступится в дело их с тобою» (Притч. 23:11).

Во-вторых, для еврейского текста характерна конкретизация, замена красочных образов оригинала более четкими понятиями, что отличает данную книгу не только от ближневосточной литературы, но и от других библейских книг. Так образные слова египетского памятника «Его сердце развращено желудком, поглощенный тобой кусок хлеба слишком большой и ты его изрыгнешь...» (*Поучение Аменемопе*, 11:7) трансформируются в обращение «Не вкушай пищи у человека завистливого и не прельщайся лакомыми яствами его... сердце его не с тобой» (Притч. 23:6-7)⁸⁷.

Четвертый сборник (24:23-34) начинается словами «Сказано также мудрыми...» и содержит наставления, относящиеся к судебным делам, а также наставления против лени. Возможно, это фрагмент более объемного несохранившегося сочинения.

Пятый сборник (25-29), имеющий наряду со вторым древнее происхождение, начинается так: «И это притчи Соломона, которые собрали мужи Езекии, царя иудейского». Он включает в себя 127 отдельных речений, имеющих отношение к правильному поведению царя и к правильному отношению простого человека к царю. Они, как и второй сборник, написаны с использованием поэтического параллелизма.

Шестой сборник (30 глава) содержит «Слова Агура, сына Иаккеева». В еврейском тексте автор слов назван еще и массаитом. Сборник включает в себя два раздела – исповедальный и дидактический. В первом автор признает себя невеждой, а во втором учит правильным человеческим взаимоотношениям.

Особый интерес в этом сборнике представляют так называемые числовые притчи, в которых использован уже

---

⁸⁷ Вейнберг, Й. *Введение в Танах. Писания*. С. 62.

встречавшийся прежде (6:16-19) ступенчатый параллелизм. О том, что особенностью библейской поэзии является параллелизм, было известно еще со времен открытия, совершенного в 1753 году англиканским епископом Робертом Лоутом. Однако именно благодаря изучению угаритской поэзии стал известен такой вид параллелизма, как ступенчатый параллелизм⁸⁸. В этом параллелизме используется число как художественный фактор, элемент симметрии и гармонии, усиливающий тему:

«Две жертвы ненавидит Ваал, / три он, восседающий на облаках»;

«Пусть исчезнет Ваал на семь лет, / на восемь, он, восседающий на облаках»⁸⁹.

В упомянутых выше числовых притчах ступенчатый параллелизм встречается 4 раза: «Вот три ненасытимых, и четыре, которые не скажут: «довольно!» (Притч. 30:15); «Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю» (Притч. 30:18); «От трех трясется земля, четырех она не может носить» (Притч. 30:21); «Вот трое имеют стройную походку, и четверо стройно выступают» (Притч. 30:29).

Ступенчатый параллелизм встречается и в книге пророка Амоса: «За три преступления Дамаска и за четыре не пощажу его» (Амос 1:3).

Седьмой сборник (31 глава) включает в себя «Слова Лемуила царя. Наставление, которое преподала ему мать его». В еврейском тексте он также назван массаитом. Этноним *масса*, упоминаемый в двух сборниках, не еврейского происхождения. Имя Масса упоминается в родословии Измаила в Быт. 25:14 среди топонимов Северной Аравии. Вполне возможно предположение, что данные сборники связаны своим происхождением с литературой мудрости северо-западного семитского этно-языкового ареала,

---

⁸⁸ Соджин, Дж. А. *Долитературная стадия библейской традиции. Жанры* / Дж. А. Соджин // *Библейские исследования*. М., 1997. С. 90.

⁸⁹ Цит. по: Гальбиати, Э.; Пьяцца, А. *Трудные страницы Библии. Ветхий Завет* / Э. Гальбиати; А. Пьяцца. М., 1995. С. 50-51.

тем более что между ними и угаритскими эпосами об Акхате, Бале и Анате есть общие черты, включая и применение ступенчатого параллелизма⁹⁰.

К седьмому сборнику присоединяется так называемая алфавитная поэма, восхваляющая добродетельную жену. Поэма представляет собой акростих, составляющий еврейский алфавит.

Книга Притчей Соломоновых относится к первому направлению литературы мудрых, отражающему традиционную дидактику. Поучения, призывы этой книги основаны на убеждении в существовании взаимосвязи между определенным человеческим действием и результатом этого действия. Если человек творит добро, то в этой жизни ему будет сопутствовать успех.

Повторим еще раз. Книга не упоминает Исход, Завет, храм, жертвы, праздники, книга включает даже нееврейские тексты. Но – и это очень важно помнить – мудрость, о которой говорит эта книга, не является мудростью светской, нерелигиозной. Книга Притчей Соломоновых не случайно вошла в Священное Писание и считается Божественным Откровением. Эта книга открывает особый путь познания Бога. Эта книга говорит о Божественном Откровении, но это не Откровение-сверху, не Откровение, которое пришло непосредственно от Бога на Синайской горе, а Откровение-снизу, истоком которого является наблюдение за миром, за жизнью человека и человеческого общества.

Долгосрочное изучение мира и человека показывает, что мир и человек имеют глубинную причастность к Богу посредством мудрости. Мир создан мудро, отражает Божественную Мудрость. Исток человеческой мудрости – в Мудрости Божественной. Поэтому начало человеческой мудрости – страх Господень, т. е. доверие, а не страх перед возмездием, наказанием. Чтобы стать мудрым, т. е. получить благополучие, нужно следовать Мудрости, которая изначально была с Богом.

---

⁹⁰ Вейнберг, Й. *Введение в Танах. Писания*. С. 60.

Необходимо также отметить, что Книга Притчей Соломоновых не ограничена только Откровением-снизу. В ней имеется учение о Премудрости Божией, которое в Новом Завете и в христианской экзегетической традиции опознается как учение о Сыне Божиим. И хотя Исход, Завет, Закон-Тора в Книге Премудрости явно не упоминаются, они явно подразумеваются. Они скрыты в призывах соблюдать справедливость, в имени Соломона, которое естественным образом напоминает историю Израиля, в таком имени Бога как Яхве, имени, данном в Откровении-сверху.

5. Книга Екклесиаста. Книга Иова

Ко второму, отрицательному направлению литературы мудрости в Библии относятся Книга Екклесиаста и Книга Иова.

Книга Екклесиаста – одна из самых малых по объему библейских книг мудрости. Но эта небольшая по объему книга создает большие проблемы при попытке определить ее структуру, композицию, автора, даже определить значение самого термина «Екклесиаст». Так же, как проблематично определить структуру книги, непросто выявить ее основное идейное содержание, ее послание. Эту книгу называли и скептической, и богобоязненной, и парализующе-пессимистичной, и радостно-оптимистичной. В ней видели и проповедь гедонизма, и блуждание разума и души человека в поисках ответов на вопросы, на которые невозможно дать ответ.

В Книге Екклесиаста много библейских цитат и ссылок на Пятикнижие, исторические и пророческие книги. Значительно в ней и влияние памятников древней ближневосточной литературы мудрости. Кроме тех древнеегипетских произведений, которые рассматриваются в данной монографии, Книга Екклесиаста имеет параллели с месопотамскими памятниками – «Разговором господина с рабом», «Эпосом о Гильгамеше», месопотамскими поучениями. Исследователи также находят в этой книге влияние древнегреческой философии – Гераклита, Аристотеля, софистов, эпикурейцев.

Исагогические сведения о Книге Екклезиаста подробно представлены в первой главе, поэтому здесь стоит ограничиться обозначением круга важнейших тем, которые затрагивает эта книга. В центре внимания ее автора находились следующие вопросы: 1) проблема смерти человека и, соответственно, проблема смысла жизни и деятельности; 2) проблема воздаяния; 3) проблема ограниченности человека и невозможности познания Бога. Размышления об этих проблемах приводят к мысли о необходимости смирения человека. В рамках ветхозаветного Откровения это самый важный вывод книги. Можно видеть в мире несовершенство, несправедливость, можно находить разные поводы для упрека в адрес Бога, но вне этого Бога и мир, и человек не имеют никакого смысла.

Кажется, что не случайно сложно определить композицию книги. Хаотичность книги – сродни тому хаосу, к которому приводит мятущаяся человеческая мудрость, оторванная от Бога, от верного ориентира. В книге идет скрытая полемика с человеком, опирающимся только на свою собственную мудрость. Книга представляет ограниченность мудрости человеческой, изолированной от истока этой мудрости – Бога. Без Бога мир, человек, все происходящее с миром и человеком лишается всякого смысла. В мире царит несправедливость, страдают праведники, а всех людей в итоге ждет только смерть. Все существующее приобретает смысл только в контексте присутствия Бога.

Автор книги периодически призывает своих читателей быть верным Богу и его заповедям, таким призывом книга и заканчивается. Этот призыв – призыв верующего сердца, но он едва ли удовлетворяет беспокойный пытливый человеческий ум. Ведь совершенно не ясно, зачем человеку нужна эта верность, не ясно, что уготовал Бог любящим Его. Решение этой проблемы дает новозаветное Откровение. Для христиан значимость этой книги определяется тем, что она подготавливала верных Яхве к принятию новозаветного Откровения. Новозаветное Откровение содержит ответ на те вопросы, которые остались в этой книге без ответа.

И если посмотреть на Книгу Екклесиаста сквозь призму всей Библии, в перспективе новозаветного Откровения, то она приобретает дополнительный смысл. Книга Екклесиаста в контексте двуединой Библии порождает убежденность в относительной ценности материальных благ, и необыкновенную жажду Царства Божия, т. е. жажду обладания духовными ценностями, жажду бессмертия, торжества правды, справедливости, полноты познания Бога.

Об этом Царстве четко и внятно будет проповедано в Новом Завете. Об утолении жажды этого Царства скажет Иисус Христос: «Блаженны алчущие и жаждущие правды; ибо они насытятся» (Мф. 5:6). Так что, провозглашая относительную ценность всего внешнего, Книга Екклесиаста подготавливала человека к принятию более возвышенного христианского Откровения о Небесном Царстве и духовных благах.

В основе Книги Иова⁹¹ лежит уже знакомый нам по месопотамским сказаниям сюжет о страдающем праведнике. Тема страданий невинного человека поднимается и в угаритском эпосе о Даниилу и Акхите. Герой этого эпоса – царь Даниилу («Эл судья мой», или «Эл судит меня»), справедливый и благочестивый правитель. Но Даниилу был несчастлив, он не имел наследника. После того, как этот правитель принес жертвы богам, к нему пришел бог

---

⁹¹ О Книге Иова см., например: Perdue, Leo G. *Wisdom in Revolt: Metaphorical Theology in the Book of Job* / Leo G. Perdue. Sheffield Academic Press, 1991. (Journal for the Study of the Old Testament, Supplement Series 112. Bible and Literature Series, 29).

Lo, Alison. *Job 28 as Rhetoric: An Analysis of Job 28 in the Context of Job 22-31* / Alison Lo. Leiden – Boston: Brill, 2003. (Supplements to Vetus Testamentum; v. 97).

Nicholson, E. W. *The Limits of Theodicy as a Theme of the Book of Job* / E. W. Nicholson // *Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton*. P. 71-82.

Terrien, Samuel. *Job as Sage* / Samuel Terrien // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 231-242.

Albertz, Rainer. *The Sage and Pious Wisdom in the Book of Job: The Friends' Perspective* / Rainer Albertz // *The Sage in Israel and the Ancient Near East*. P. 243-262.

Балу, сообщив о будущем рождении сына, Акхита. Однако богиня-воительница Анату убивает Акхита. Страдающий Даннилу не смирился с потерей сына. В конце сказания боги воскрешают Акхита⁹². В Книге Пророка Иезекииля упоминаются три праведника: Ной, Даниил и Иов (Иезек. 14:14, 20). После открытий в Угарите большинство библеистов считает, что пророк Иезекииль имеет в виду не библейского пророка Даниила, а героя угаритского эпоса.

Образ страдающего праведника не является для Библии редкостью. Невинными страдальцами можно считать и Авраама (которому Бог не давал детей и которого после появления долгожданного первенца Бог попросил принести этого первенца в жертву), и проданного в рабство в Египет Иосифа, и пророка Иеремию. О страдающих праведниках рассказывают и псалмы, и пророчества Исаяи.

Поиски автора Книги Иова едва ли могут привести к убедительному результату. Среди ее авторов в разное время назывались безымянные арамеянин, араб, идумеянин, нахорит, живший в Аравии или Египте еврей, Моисей, Соломон, Иеремия. Предположения о времени написания книги также разнообразны. Ее считают и самой древней книги Библии, и самой поздней библейской книгой. Однако большинство склонно относить время написания книги к после пленному периоду. Проблемы, над которыми размышлял автор Книги Иова, также как и автор Книги Екклесиаста, отвечают общей атмосфере после пленного периода, когда страдающему еврейскому народу требовалось утешение, объяснение того, почему Бог допустил разрушение храма, Иерусалима со стороны язычников, почему народ Бога страдает, а не знающие Бога народы процветают.

Книга Иова, в отличие от Книги Екклесиаста, имеет совершенно четкую композицию. Пролог (1-2 главы) и эпилог книги (7-17 стихи 42 главы), написанные прозой, обрамляют серию диалогов и монологов, написанных поэтическим языком. В прологе рассказывается о том, как

---

⁹² *Сказание о Даннилу и Акхите* // Циркин, Ю. *Мифы Финикии и Угарита* / Ю. Циркин. М., 2000. С. 125-133.

после двукратного обращения Сатаны, Бог решает испытать верность, праведность Иова. Иова постигают беды. Жена Иова предлагает похулить Бога и умереть. Но Иов только благословляет Бога. Характерно, что жена – единственный персонаж, не обозначенный именем собственным. Она имеет простое обозначение – «ишша», что наталкивает на сравнение ее с Евой, искушавшей Адама, которая в рассказе Бытия также названа просто «ишша»⁹³. В отличие от Адама, Иов проявляет стойкость. К страдальцу приходят три друга, чтобы сетовать с ним и утешать его. В эпилоге Бог осуждает речи трех друзей, содержащиеся в поэтической части, прощает этих друзей. Бог возвращает Иову все его потери и благословляет его.

Поэтическая часть книги Иова также отличается ясной структурой. После монолога Иова (3 глава) начинается три серии диалогов. В каждой серии имеется речь одного из друзей Иова и ответ Иова на каждую из этих речей. Друзья высказывают традиционные представления о том, что страдания – это наказания. Иов протестует против такого взгляда и исповедует свою невиновность. Слова друзей приносят не утешение, а раздражение. Иов и друзья начинают сердиться друг на друга. Речи друзей постепенно становятся более краткими, словно истощаются. В третьем диалоге у третьего друга, видимо, вообще не находится слов. Содержание всех трех диалогов приблизительно одинаково. Меняется разве что степень отчуждения Иова от своих друзей⁹⁴. В большом монологе 29-31 главы Иов, еще раз говоря о своей невиновности, высказывает желание услышать ответ Вседержителя. И Бог отвечает Иову, но перед этим впервые появляется и выступает четвертый друг Иова, молодой Елиуй. Елиуй произносит четыре речи, в которых упрекает и Иова, и его друзей. Елиуй основной акцент делает не на причину постигшего несчастья, а на цель, которую преследует Бог, посылая человеку несча-

---

⁹³ Вейнберг, Й. *Введение в Танах. Писания*. С. 106-107.

⁹⁴ Швинхорст-Шенбергер, Л. *Книга Иова // Введение в Ветхий Завет*. Под редакцией Э. Ценгера. С. 442.

стъя. В конце выступает Сам Бог, Который показывает Свое величие и тайну Своих действий.

Если для критиков гомогенности Книги Екклезиаста важным аргументом является отсутствие в книге композиции, то для критиков гомогенности Книги Иова четкая композиция книги помогает расчленить книгу на пласты, созданные в разное время. Мы оставим в стороне все дискуссии о происхождении книги, этапах ее формирования, историчности содержания. Для нас это библейское произведение важно как единое целое, транслирующее определенные идеи.

Отдельно стоит упомянуть только о предположении, связывающем структуру книги со структурой древнегреческой драмы. Впервые предположение о том, что Книга Иова – это драма, написанная по образцу древнегреческой трагедии, высказал современник и друг Иоанна Златоуста Феодор Мопсуестийский. Сторонники такого взгляда с некоторой натяжкой выделяют в Книге Иова части, соответствующие построению древнегреческой драмы: пролог (1-2 главы), первый цикл диалогов (3-31 главы), второй цикл диалогов (32-37 главы), третий цикл диалогов (с 38 главы по 6 стих 42 главы) и эпилог⁹⁵.

Книга Иова отчасти учит тому же, чему учат и подобные ей древние месопотамские произведения – правильному поведению человека в страдании. В тяжелых обстоятельствах человек должен сохранять веру в Бога, доверие Богу и верность Ему. Это первый урок, который дает эта книга. Жалобы, сетования Иова, которые он произносит в своих речах не выходят за рамки его верности Богу.

Второй урок касается признания того, что страдания не всегда являются средством наказания. Они могут быть средством испытания человека, как это видно из первых двух глав. Это испытание способно возвысить человека, еще больше приблизив его к Богу. Бог испытывает веру Иова, как испытывал верность Адама и Авраама. Но испытание Иова – испытание страданием. Страдания, посылае-

---

⁹⁵ Вейнберг, Й. *Введение в Танах*. Писания. С. 102.

мые человеку Богом, могут служить каким-то высшим интересам. Проблема связи страдания и наказания будет поднята и в Новом Завете, в рассказе об исцелении Иисусом Христом слепорожденного. На вопрос учеников о причине слепоты этого человека, Христос сказал, что причиной не является ни грех этого человека, ни грех его родителей. Но это было для того, чтобы на этом человеке «явились дела Божии» (Ин. 9:3). Подобным образом и страдания безгрешного Христа были нужны для исполнения Божественного замысла о спасении человечества. Что касается родственной проблемы – благоденствия грешников, то она также скрыта тайной замысла Бога. Но сами грешники не сокрыты от Бога. Новозаветное Откровение несколько сняло остроту этой проблемы учением о Страшном Суде и Царстве Божиим. В самой же книге Иова проблема страданий праведников и благоденствия грешников получает разрешение в указании на величие Бога и тайну Его замысла, что для человеческого разума выглядит не очень убедительно.

Наконец, третий урок этой книги, вероятно, самый важный урок, – это признание того, что подлинная мудрость должна проявляться в постоянном поиске Бога, поиске общения с Ним.

При внимательном чтении книги поражает то, что ни в словах Елиуя, ни в словах Бога не звучит ничего принципиально нового по сравнению с содержанием речей друзей Иова. Речи Иова отличаются от речей его друзей главным образом тем, что Иов отрицает обыденный взгляд на страдания как на наказание. С тем, что страдания не всегда являются наказанием, согласен, как представляется, и Елиуй. Все участники описываемых в книге событий исповедуют величие Божие, Его превосходство над человеком и всем творением. Характерно, что Бог в своей речи повторяет идеи, которые звучали как в устах Иова, так и в устах его друзей. Более того, в речи Бога нет упоминания о проблеме связи страдания с проступками. Тогда почему друзья Иова осуждаются? Только ли за то, что они являлись сторонниками представления о связи между поведением человека и

его успехом в жизни, представления, неоднократно повторяемого в книгах Закона?

Друзья Иова говорят верные вещи. Они, кажется, мудры. Они совершенно справедливо спрашивают Иова: «Что знаешь ты, чего бы не знали мы? Что разумеешь ты, чего не было бы и у нас?» (Иов. 15:9). Друзья Иова, как и Иов, знают о неизмеримом величии Бога и о человеческом ничтожестве и нечистоте, но при всем своем знании о Боге, они дистанцированы от Него. Они мудры, но их мудрость не делает их ближе к Богу. Они говорят правильные вещи о Боге, но ищет Бога, общения с Богом только Иов. Иов ищет близости с Богом, хочет видеть и слышать Его. Потребность этой близости вызывается страданием Иова. Жажда Бога ярко выражается им в начале 23 главы. И страдания, в конце концов, открывают Иову возможность живого общения с живым Богом. Бог обращается к Иову. Он произносит речь, идейное содержание которой и так известно Иову и его друзьям. После этого Иов отрывается и раскаивается в прахе и пепле.

Очевидно, что Иова убеждают не слова, не логика рассуждений Бога, все его вопросы снимаются самим фактом созерцания Бога: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя» (Иов. 41:5). Бог с легкостью прощает друзей Иова, потому, что они говорят, в общем, правильные вещи, но их теоретическое знание о Боге бесплодно, в них нет жажды близости к Богу. Христианская Церковь с особым вниманием относилась к словам Иова, в которых эта жажда выразилась наиболее полным образом: «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восстановит из праха распадающуюся кожу мою сию; и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого увидят Его. Истаивает сердце мое в груди моей!» (Иов. 19:25-27). В полноте возможность утоления такой жажды Бога появилась с момента Боговоплощения.

В данной главе мы ограничились только тремя, каноническими библейскими книгами мудрости. Анализ этих книг свидетельствует не только об их родстве с межнациональной литературой мудрых Древнего Ближнего Востока,

но также о своеобразии библейской мудрости. Книга Притчей Соломоновых говорит о том, что мир и человеческая мудрость имеют своим истоком Мудрость Божественную. Книга Екклесиаста показывает, что человеческая мудрость без Бога в дальней перспективе совершенно бесполезна, она может обеспечить временное благополучие, но и она сама, и это временное благополучие обесмысливаются на пороге смерти. Эта книга рождает и смирение, и жажду вечной жизни, Царства Божия. Книга Иова убеждает, что обладание мудростью, теоретическим знанием о Боге без живого устремления к Богу, без жажды богообщения является совершенно бесполезным. Наконец, все эти книги подготавливали к принятию новозаветного откровения, учения о Сыне Божиим как Премудрости Божией, принятию Боговоплощения, учения о Страшном Суде, вечной жизни и Царстве Небесном.